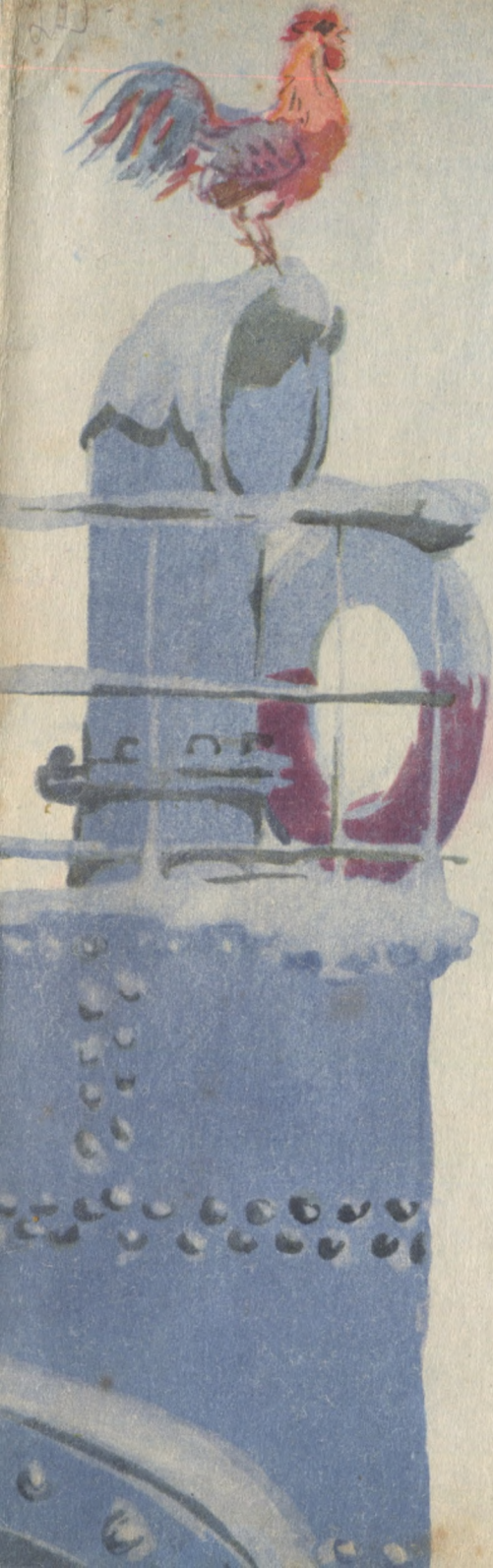

Макс Зингер

РАССКАЗЫ
СТАРОГО
ПОЛЯРНИКА

Детгиз - 1959

Макс Зингер
РАССКАЗЫ
СТАРОГО
ПОЛЯРНИКА

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1959

Рисунки
А. Солдатова и А. Тамбовкина
Обложка и титул
А. Солдатова

Более тридцати лет назад писатель Макс Зингер впервые участвовал в полярном плавании на ледоколе «Сибиряков».

С тех пор писатель полюбил Советскую Арктику. Тысячи километров проехал он по льду и снегу на оленях и собачьих упряжках, делил с отважными полярниками их заботы и трудности.

Рассказы, вошедшие в этот сборник, — подлинные события, которые происходили на Севере с автором и его товарищами.

ВАСЯ И ЕГО ХОЗЯИН

Всю зиму я ехал на собаках и оленях по нашему Крайнему Северу. Всю зиму не видел животворного солнца. Оно не поднималось над тундрой.

Сто двенадцать дней я был в дороге. Лютовали пятидесятиградусные полярные морозы. Чтобы не замёрзнуть, мы с погонщиком оленей, ямщиком, соскакивали с саней, нарт, и бежали за ними. Бег согревал нас. Так мы спасались от жгучей стужи.

Наш путь к северному городку Верхоянску тянулся очень долго. И каждый день казался похожим на другой. Было сумеречно и знобко.

Нам не попадалась ни одна нарта, ни один прохожий не встретился на пути. Зато на снегу мы видели точечные следы песка,

мышь-пеструшки и крупные узорчатые следы зайцев.

От одной почтовой станции до другой мы, бывало, ехали целый день. Но случалось и так, что ночевали на снегу. Наломаем хворосту, положим ровно на снег, а поверх веточек — спальные мешки. И спали на трескучем морозе.

От станции до станции далековато. Иной раз не менее ста километров. Но мы знали, что в любой якутской юрте — небольшом деревянном домике — нас всегда ждут тепло и гостеприимство. Это закон северной тайги.

И сами посудите, куда тут гостю деваться? Заезжих домов нет. Гостиниц нет. И мы входили в незнакомую юрту, как в родной дом.

Нам радовались хозяева. На севере всегда почёт и уважение проезжему человеку. Гость принесёт новости. Он позабавит интересным рассказом. От него узнаешь, что делается на большой советской земле.

Здесь, в таёжных теснинах, не сядет ни самолёт, ни вертолёт. До железной дороги — три тысячи километров по пря-

мой. Куропаток можно стрелять из окна своего дома. Вот почему гость в тайге, на Крайнем Севере, — это живая устная газета.

Мы вваливались с мороза в юрту. Сами растапливали камелёк. Ставили на огонь пузатый чайник, туго набитый снегом. Варили пельмени. Я заготовил их едва ли не на всю свою долгую дорогу. В мешке за грядкой моих нарт было счётом две тысячи пельменей. На морозе они стали твёрдыми, как камни. На застругах, при подскоках нарты, пельмени звенели в мешке, точно береговая галька.

Тяжкая дорога иссушила путников, лишила сил. Верхоянск в мечтах представлялся нам каким-то раем.

И вот показались наконец манящие мерцающие, как звёздочки, огоньки далёкого северного городка.

В глухой тайге каждая юрта — твой дом. Но здесь не одна юрта, не один, а десятки домов. В какой же войти? Где попроситься на ночлег?..

Я остановил первого встречного на улице. Он был закутан в меха настолько, что виднелись одни лишь чёрные быстрые глаза. Ресницы у него, как и у нас, заиндевели и пощёлкивали при каждом моргании. Наши меховые одежды выбелило инеем и пургой. Каждый из нас был похож на сказочного деда-мороза.

— Поезжайте к доктору Мокровскому, — любезно предложил нам верхоянец. — Вон его изба, на самой окраине! — И он указал куда-то в густой туман. — У нашего доктора частенько останавливаются проезжие, — добавил верхоянец.

Мы едва разыскали избу в морозном тумане. Мой ящик остался с оленями на улице. Я размашисто открыл дверь. Ведь на Крайнем Севере запоров нет, ни от кого ничего не прячут.

Только закрыл я за собой скрипучую дверь, как вдруг увидел громадного полярного волка. Он шёл прямо на меня. Го-

лова большая, шерсть густая, серебристая, с тёмной полосой на спине, будто кто углём провёл по ней.

За многие годы своих путешествий я давно привык ко всяким неожиданностям и опасностям. Ведь недаром говорят: «Волков бояться — в лес не ходить». Однако, признаться, я оторопел при виде волка, идущего на меня. Ружьё моё осталось на нарте. Кричать? Показать зверю свою спину? Он наверняка тебя растерзает. Об этом я был немало наслышан.

Выбежать и закрыть за собой дверь уже не оставалось времени.

Я остановился и замер.

Не хотелось ничем выдать зверю своё смятение. Волк должен знать, что я — человек! И нисколько не боюсь его. Он, а не я должен страшиться сейчас.

Наши взгляды встретились на секунду. Волк не бросился на меня, не щёлкнул зубами. Он только ткнулся легонько в мои колени и круто повернул обратно, в угол комнаты.

Слышно было, как скрежетали его грозные когти по деревянному полу. Я по-прежнему стоял у двери как прикованный. Зверь будто и не замечал меня. Он продолжал свои рейсы из угла в угол и каждый раз перед поворотом тыкался в мои колени.

Сколько продолжалась эта попытка, и не припомню. Только вдруг раздался повелительный окрик из соседней комнаты:

— Вася!

Значит, есть в доме ещё одна живая душа! У меня разом отлегло от сердца. И волк присмирел. Он будто превратился в домашнюю собаку: заискивающе пригнул голову и смиренно, рысцой побежал на голос.

— Кто там?

Я назвался.

— Проходите! Вася вас не тронет! — приветливо пригласил меня хозяин.

Мы познакомились. Доктор рассказал мне краткую и занимательную историю. На охоте в тундре он подобрал крошечного волчонка. Сам вспоил, вскормил и приручил его...

— Он у меня ловко в собачьей упряжи ходит! — не без гордости сообщил Мокровский. — Три собаки не увезут столь-

ко, сколько один мой
Вася. Сила! И знаете, о
чём мечтает верхоян-
ский врач? Подобрать
себе ещё двух волчат и
приручить их. Будут у
меня три волка. На трёх
волках я хоть до Якут-

ска доскачу! Обгоню любую собачью упряжку. Смею вас за-
верить!

Во время нашего разговора ввалился в комнату какой-то
незнакомец. Одежда на нём вся заиндевела, борода покрылась
сосульками. Взволнованно, наполовину по-русски, наполовину
по-якутски, вошедший рассказал о случившемся несчастье. Во
время охоты его товарищу поранило руку. Рука начинает уже
чернеть. Как бы не было антонова огня — гангрены! Необхо-
дима скорая помощь!

— Вот видите! — сказал мне Мокровский. — Меня вызы-

вают к больному... Срочно! Немедленно! Где не пройдёт машина, там собака, а тем более волк всегда пройдёт! Сейчас бы запряг трёх волков — только бы меня и видели! Рванул бы, что ветер в тундре. Ну, до свидания! Располагайтесь как у себя дома. Скоро вернусь. Пойдём выполнять свой долг!

Мокровский стал быстро надевать свою меховую одежду.

— И далеко едете? — спросил я врача.

— Всего только за сто километров. Но вы, как старый полярник, знаете, что сто километров здесь не расстояние!

И мы простились, едва успев познакомиться.

МОХНАТЫЙ ОЗОРНИК

Казалось, тёмная грозовая туча вдруг закрыла небо. Это тысячи птиц, снявшись с родных северных островов, пролетали крылом к крылу над нашим пароходом.

В сентябре птицы собрались в большие стаи и без числа и счёту потянули далеко на юг, в тёплые края.

Дни в Восточно-Сибирском море становились совсем короткими.

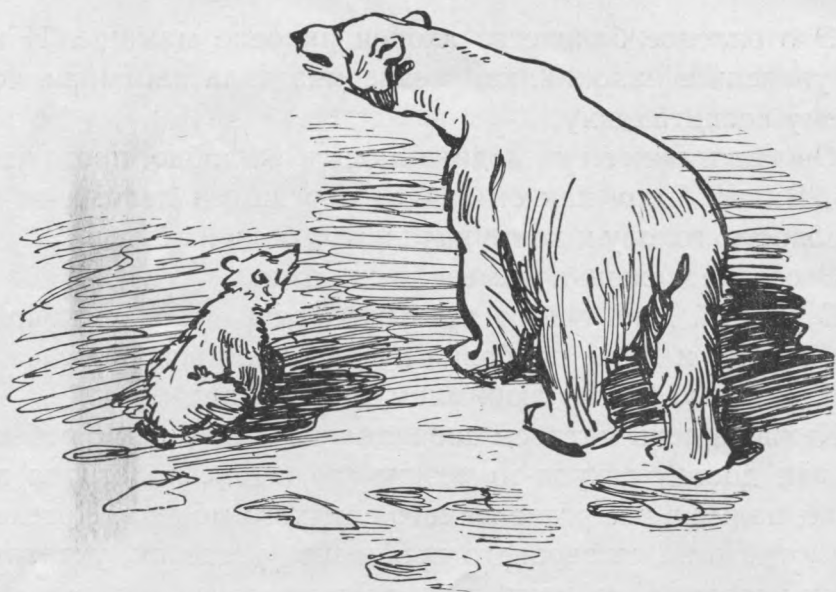
Близилась полярная долгая ночь.

Жителям крайнего Колымского Севера предстояло прощаться с солнцем на пятьдесят суток...

Рейс нашего грузового парохода задержался из-за тяжёлых льдов. Они часто преграждали нам путь.

Порой метелило так, что не видно было своей протянутой вперёд руки.

Палуба становилась совершенно белой от снега. Хватало потом работы матросам — счищать снег в море.

Незадолго до окончания полярного рейса вахтенный помощник капитана увидел с мостика парохода на ровном ледяном поле огромную белую медведицу с медвежонком.

Через репродукторы об этом объявили по всему судну. Все свободные от вахты моряки выбежали наверх, как на пожар.

Мы разглядели четвероногого малыша, назойливо стремившегося к нашему пароходу. Зверёныша, очевидно, манили к себе аппетитные запахи судовой кухни.

Обеспокоенная мамаша становилась между ним и пароходом, не давала медвежонку дороги.

Но тот оказался норовистого характера. Сколько ни старалась мать, справиться с упрямым не могла. Едва лишь ослабляла внимание — медвежонок вновь кидался в нашу сторону.

Это опасное баловство вконец надоело мамаше. И вдруг мы увидели в бинокль, как медведица дала наотмашь по уху своему воспитаннику.

Он так и присел на задние лапы и жалобно, протяжно завыл. Видно было, как он взялся передними лапами за свою остроносую голову и долго качался от боли и обиды...

Этого медвежонка мы взяли живьём.

В первый день своего пребывания на судне он капризничал, скулил и даже пробовал кусаться, но вскоре освоился с новой жизнью и стал любимцем всей команды.

Каждый день матросы забавлялись с ним, как с ребёнком. Боцман достал откуда-то резиновую соску, пристроил к бутылке, налил в неё разведённого сладкого молока. Потеха была смотреть на четвероного приёмыша, когда он, ухватив бутылку передними лапами и запрокинув назад голову, жадно, бычком, сосал молоко. Ему нравились печенье, сахар, варенье, конфеты... Всё это он уписывал за обе щёки.

До нашего выхода из Северного Ледовитого океана оставалось около суток пути. Моряки радостно поговаривали уже о Владивостоке, как вдруг северные ветры пригнали к чукотскому берегу лёд. Его сплотило. Нигде не виднелось и полоски воды. Море стало похожим на снежную тундру. Пароход сковало льдом со всех сторон. Пришлось вызывать на помощь ледокол.

Мы издали увидели дымы приближавшегося к нам двухтрубного красавца ледокола. Этот полярный богатырь крушил непокорный лёд. Команда ледокольников иной раз выходила на лёд и взрывала его аммоналом. В небо летели сверкающие осколки... И вот наконец суда стали борт о борт.

Дул по-прежнему северный ветер, сплывающий лёд. Командир ледокола решил подождать результата авиаразведки. Вот послышался рокот летящей машины. Лётчики прошли над самыми мачтами наших судов и сообщили по радио курс, по которому легче всего было пробиваться.

Во время этой короткой стоянки озорник медвежонок учуял запахи трески из свежееоткрытой бочки на ледоколе. Он принялся таскать рыбину за рыбиной тайком к нам на пароход в укромное местечко на верхней палубе.

Одно было невдомёк воришке: от взоров рачительного боцмана ледокола ничто не могло укрыться. Ничто и никогда не пропадало на ледоколе в рейсе!

Боцман-ледокольник заметил творившееся безобразие и стал ходить следом за озорником. Медвежонок старательно таскал к нам, а боцман столь же старательно перетаскивал обратно к себе на ледокол рыбину за рыбиной.

Вот медвежонок притащил последнюю треску из опустевшей бочки. Бедняга запарился, утомился до потери сил и присел отдохнуть после тяжкого труда. Но каково же было его великое огорчение, когда он вдруг обнаружил полное исчезновение всего рыбного запаса!

И снова, как когда-то, с досады присел медвежонок на

задние лапы, прикрыл передними лапами глаза и жалостливо завыл на весь пароход.

На этот вой сбежались матросы. Не усидел и я в своей каюте... Боцман ледокола деловито объяснил нам происшествие. Мы распрощались с ним приветливо и пожелали счастливого плавания.

Ледокол дал несколько условных гудков, означавших:

«Иду вперёд! Следуйте за мной!»

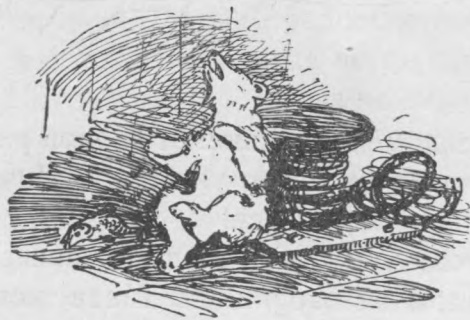
Наш пароход повторил эти гудки, что означало:

«Иду вперёд! Следую за вами!»

И корабли загромыхали во льдах, пробиваясь к свободе.

Один из наших матросов подошёл к медвежонку, взял виновника за мохнатое ухо и, потрепав немного, сказал:

— А шkodить, Мишук, не положено! Общественная собственность, надо понимать!

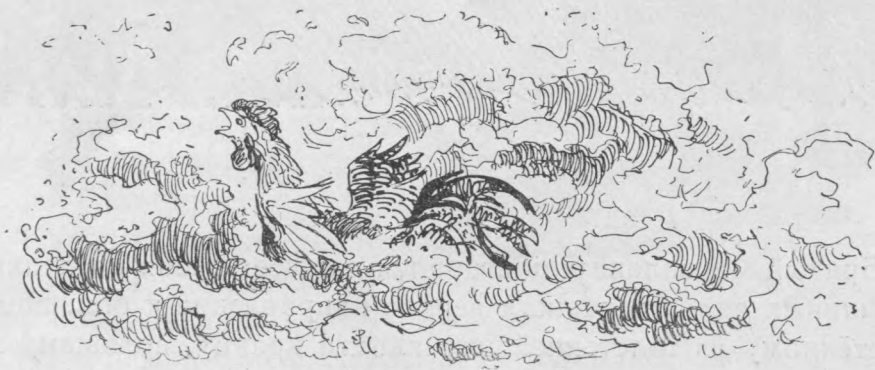

ЖИВОЙ БУДИЛЬНИК

Волны Северного Атлантического океана с плеском разбивались о наш огромный пароход «Академик Павлов». Свыше трёх недель эта плавучая база сельдяной экспедиции действовала в водах Северной Атлантики, далеко за Полярным кругом.

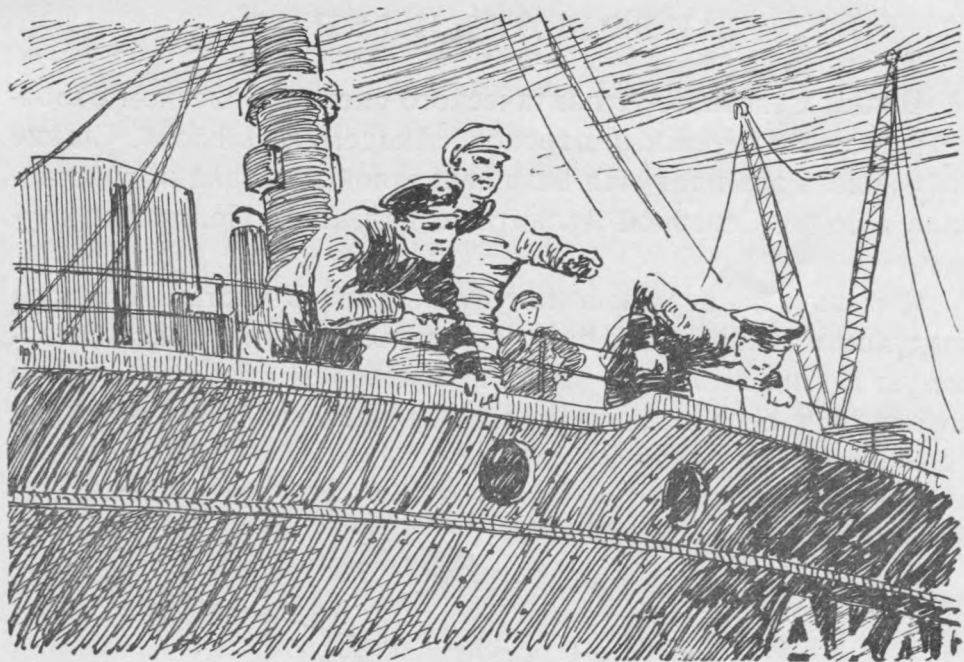
Я вышел на верхнюю палубу подышать чистым морским воздухом и зачарованно смотрел вдаль. Вдруг я увидел незнакомую в этих холодных водах красноперую птицу с высоким хохолком и серповидным красивым хвостом. Она отчаянно плыла к нашему судну.

«Что за птица? — подумал я. — Сколько ни плавал, а таких здесь не видывал ни разу!»

Я стал внимательно присматриваться и наконец догадался, что это, пожалуй, петух. Да, обыкновенный домашний петух!

Но как попал бедняга в такую даль? В Северную Атлантику, к скалистому острову Ян-Майену! Какая нелёгкая занесла его сюда? С каких пор стал петух птицей водоплавающей?

Бравый мореплаватель старался изо всех своих последних петушиных сил. Он держал верное направление к большому, сплетённому из толстеннейшего каната кранцу, похожему на гигантскую подушку. Этот кранец свисал с борта нашего судна. Он служил для предохранения от ударов соседних судов, пристававших к борту «Академика Павлова» в открытом море, на большой волне.

Петуха то подносило волной к кранцу, то вновь отрывало от него. Стоявший рядом со мной матрос сочувственно сказал:

— Сейчас намокнут пёрышки, и прощай, Пётр Иваныч!

Будто в ответ, мы услышали вдруг зычный голос нашего добрейшего боцмана:

— Полундра! Берегись!

И с высокого борта «Академика Павлова» боцман решительно и смело прыгнул вниз, в море, на кранец, танцевавший под самым бортом по воле волн.

Кранец под боцманом так и закачался, как иноходец.

Бывалый моряк был не из робких. Он ловко ухватился одной рукой за кранец, другой же старался поймать петуха за крыло или за хвост.

Каждая волна накрывала моряка. Мы уже перестали беспокоиться о петухе. Мы думали о том, не пропадёт ли боцман.

Наконец, после долгих стараний, петух оказался в надёжных руках.

От морской солёной воды перья слиплись. Петух стал похож на щупленького цыплёнка. Куда девалась былая его красота!

— Полезай, Пётр Иваныч, под ватник! Так вернее будет! — напутствовал боцман петуха, засовывая его под ватную гужурку.

Боцман доставил петуха в свою каюту, дал несчастному рисовой каши — остаток от гарнира.

Петух вскоре обсох, расправил, почистил крылья и принял солидный домашний вид. Он оказался весьма понятливым и быстро склевал глубокую тарелку каши.

Первая ночь на «Академике Павлове» выдалась для петуха тихая, спокойная, чего никак нельзя было сказать о боцмане.

В четыре часа утра его разбудили не протяжные сигналы сирены, воющей по случаю густого тумана, не звон судового колокола, а голосистый петух. Раскукарекался, хоть уши за-тыкай!

Уж как его только боцман ни упрасивал, как ни умасливал — и Петром Ивановичем звал и Петенькой, — не помогало. Галетами угошал. Напрасно! Кукаречит, да и всё тут!

Оказался Пётр Иванович и своенравным и голосистым.

Повадился петух каждое утро спозаранку голосить на всё судно. Стал живым будильником. В четыре часа утра поднимал свою петушиную тревогу, будто объявлял смену вахт.

— Пётр Иванович вызывает на вахту! — кричали матросы, разбегаясь по кораблю, каждый на свой пост.

Вскоре выяснилась «биография» пернатого моряка.

На одном из рыболовных траулеров предприимчивый капитан, договорившись с командой, соорудил курятник. Здесь наш неожиданный гость являлся полным властелином. Под его присмотром находилось десять пёстрых куриц.

Как-то раз вышел петух на волю из курятника, взлетел на радиорубку, как на насест, чтобы прокукарекать, да промахнулся, не рассчитал и оказался за бортом, в воде.

На «Академике Павлове» Пётр Иванович, умудрённый горьким житейским опытом, стал осмотрительней и осторожней.

Боцман уже без опаски выпускал своего питомца на верхнюю палубу.

Но вот к борту «Академика Павлова» подошёл траулер, тот самый, на котором был неугомонный курятник. Издалека было слышно несносное кудахтанье кур, по-своему оплакивавших пропавшего петуха. Тот услышал призыв своих многочисленных подружек, взлетел мгновенно на бочку, а с неё — на

фальшборт и закукарекал. Он несколько раз похлопал крыльями, вытянул вопросительным знаком длинную шелковистую шею и продолжал победно кукарекать.

Тут только вспомнил боцман о петухе-воспитатнике и крикнул что было силы:

— Петра Иваныча держите! Улетит будильник!

Но было уже поздно.

Петух взмахнул крыльями, прокукарекал в последний раз и поднялся в воздух. Боцман был печальным свидетелем этого замечательного перелёта.

Пётр Иваныч рассчитал точно и опустился как раз на свой курятник.

— В гостях хорошо, а дома лучше! — сказал капитан рыболовного траулера, обрадовавшись возвращению петуха.

КОТ - ЗИМОВЩИК

Шхуна «Чукотка», раздавленная полярными льдами, медленно погрузилась в море.

Вся команда высадилась на лёд. Как подобает, последним покинул судно капитан. Вернее, это капитан так думал, что он последним уходит с корабля. На самом же деле до конца на «Чукотке» оставался забытый всеми в минуту грозной опасности кот Васька.

Морская вода шумно ворвалась в помещения шхуны. Это и заставило кота покинуть своё насиженное место. Он перебежал из кают-компании на верхнюю палубу.

Здесь было холодно, ветрено, неуютно. От наступавшей на него воды кот перебежал всё выше и выше, пока не добрался до самого капитанского мостика. Отсюда он волей-неволей вынужден был прыгнуть на лёд.

Васька тоскливо оглянулся на тонувшее судно. В его кошачьем взгляде можно было прочесть: «Прощай, «Чукотка»!»

Хорошее было ему житьё на шхуне, где водились крысы. Их предпочитал он любимым консервам.

Когда шхуна скрылась под водой, люди были уже далеко от места её гибели.

Кот Васька степенно зашагал вслед за людьми.

Так началась его суровая арктическая жизнь.

Позади всех по льду семенила ножками маленькая девочка. Ей предстояло жить в Чаунской губе, на мысе Певек, среди чукчей. В Певеке был тогда всего лишь один дом и несколько яранг. Здесь и должен был отец этой девочки заведовать магазином.

Девочка в последний раз посмотрела туда, где скрылись мачты. Она хотела всплакнуть, но вдруг увидела кота, своего любимца, и тут же позвала его:

— Котик! Васенька!

Васька услышал знакомый голос и прибавил шаг. Роди-

тели девочки едва шли под тяжестью ноши. Девочка попросила их взять кота на руки.

— Ну вот ещё! Котов носить в Арктике! — сказал недовольно отец.

Девочку не послушали. И без того было тяжело. Тогда она сама взяла Ваську на руки. Но тот с детства недолюбливал человеческой ласки. Поёрзал немного и выпрыгнул на лёд. Огляделся диковато по сторонам и пошёл вперёд независимо и степенно.

Так добрался кот до парохода «Колыма», стоявшего неподалёку от места гибели шхуны. Но и здесь не задержался долго, а перебрался вскоре наш путешественник на пароход «Урицкий».

Кот понравился морякам «Урицкого». Но коту новый пароход совсем не пришёлся по нраву. И при первой же стоянке каравана пароходов во льду Васька исчез с «Урицкого».

Долго искали кота, найти не могли. Радист «Урицкого» закончил передачу служебных радиogramм и запросил:

— Не знают ли на ледорезе о пропавшем большом и дикообразном коте?

На ледорезе, где находилось всё начальство полярной экспедиции, ничего не слышали о Ваське. Тем временем кот пробирался отважно среди высоких торосов к борту «Литке». До него от «Урицкого» было около трёх миль, то есть свыше пяти километров.

Как известно, котам безразличен флагманский вымпел — флаг высшего начальствующего состава, командующего соединением кораблей. Не из уважения к высокому начальству шёл Васька в долгий и трудный путь среди торосов. На «Литке» квартировала кошка Машка. Уже год томился Васька в арктическом плену и ни разу не видел своих сородичей.

Ледорез «Литке» стоял на привязи у большого ледяного поля. Самая низкая его часть — корма — была на чистой воде. Изрядно утомившийся Васька долго искал вдоль бортов «Литке», за что бы ему ухватиться. Наконец он присел и стал жалобно мяукать. Куда девалась былая гордость! Его услышал вахтенный матрос, заинтересовался неожиданным гостем и спустил наклонную жердь с борта на лёд. Кот мигом оценил обстановку и в несколько прыжков добрался по жерди до верхней палубы. Здесь он почувствовал себя вполне уверенно и важно пошёл вперёд.

Правда, немало помогла Ваське и кошка Машка. Она из любопытства вышла гостью навстречу и сразу обворожила его.

У капитана «Литке» Николая Михайловича Николаева были две собаки. Они заглядывали иногда в кают-компанию, где Машка нежилась на диване. Собаки любили её гонять. Она никогда не вступала с ними в пререкания. Она не фыркала, не отбивалась, не царапалась, а смиренно уходила прочь.

Одну из собак звали Норд. Для Норда все коты и кошки были на одно лицо. Он ненавидел одинаково всю кошачью по-

роду. Вот Норд заметил на диване Ваську и принял, конечно, его за Машку. Подошёл к дивану и хотел согнать с места, но получил такой неожиданный и увесистый удар по носу, что вынужден был с визгом отступить.

Кот Васька вскочил на спинку дивана и оставался там до тех пор, пока моряки не закончили свой длинный послеобеденный разговор.

Так Васька завоёвывал себе авторитет на ледорезе.

Флагманский радист увидел кота, вспомнил просьбу товарищей с парохода «Урицкий» и тут же сообщил им по радио о находке. Приметы пропавшего в точности совпадали с наружностью Васьки. Он был такой же крупный, диковатый, страшноватый, с большой, почти квадратной головой и с шишками на ней — безусловными свидетельницами боевого прошлого.

Флагманские штурманы дивились тому, как мог Васька разыскать среди торосов дорогу с «Урицкого» на «Литке». Ведь здесь можно было заплутаться и человеку...

Кот Васька не пожелал оставлять «Литке» и свою знакомую Машку. Он прижился на ледорезе.

На обратном пути из Арктики «Литке» зазимовал со своим караваном. Это было в первые годы наших больших плаваний по арктическим водам. Зимовка, вторая по счёту, застала Ваську в Чаунской губе на флагманском корабле.

Здесь каждое утро по звонку буфетчика, приглашавшего моряков к завтраку, Васька важно шёл в каюткомпанию и занимал любое свободное место за столом. Торопившиеся на вахту моряки бесцеремонно сгоняли Ваську. Когда его выпроваживали с последнего свободного кресла, кот не подхалимничал, никого ни о чём не просил, не мяукал жалобно, — отнюдь!

Он уходил прочь, но с явной обидой.

Едва лишь корабельные склянки отбивали звонко восемь часов утра, как начальник экспедиции капитан дальнего плавания Александр Павлович Бочек начинал обход зимовавших судов. Начинал с начальником обход судов и кот Васька.

В сильные морозы Васька, конечно, изрядно мёрз, несмотря на свою пушистую тёплую сибирскую шубку. Но всё равно он продолжал обход. Хорошо было начальнику в тёплой собачьей куртке, шапке-ушанке и высоких фетровых сапогах. Ну, а Васька частенько останавливался на снежной, протоптанной моряками тропинке. Он вставал, как дрессированный, на задние лапки и начинал выбрасывать передние, затем становился на передние и выбрасывал задние. Потеха была смотреть на такую физкультуру!

Подобные занятия согревали кота, и он снова продолжал свой путь вслед за начальником.

Если на тропинке встречался человек, Васька не сворачивал ни за что на снежную целину. Он останавливался и терпеливо выжидал, когда ему уступят дорогу.

Никто и никогда не замечал в коте подобострастия. Такой позорной черты не было в характере Васьки. Он не сворачивал с тропинки, хоть ты на него ногой наступи! Он выгибал свою тигровую спину, и это было дурным предзнаменованием! Мало находилось охотников вступать с ним в спор из-за таких пустяков.

За пароходами во льдах неожиданно открылась большая полынья. Морозы стояли сорокаградусные. Над открывшейся водой держался туман. Норд и Веста — собаки с пароходов — нападать на Ваську в открытом бою опасались. Они ходили за ним по пятам, но в драку не вступали.

Ваське надоел этот собачий сыск. Нередко он останавливался, звучно фыркал, и у собак пропадала всякая охота сопровождать кота. Они трусливо поджимали хвосты и отставали. Однако наутро вновь принимались за своё. Это, видимо, прискучило Ваське. Он сам решил перейти в наступление. Вот он зловеще вздыбил шерсть, выгнул спину, фыркнул с присвистом и бросился на своих преследователей. Собаки пустились наутёк!

Кот погнался к полынье, над которой стоял туман. Норд и Веста с перепугу прыгнули в воду.

Как известно, вода в Арктике, да ещё зимой, никогда тёплой в море не бывает. Собакам это стало ясно тотчас после отчаянного прыжка.

Кот Васька ходил важно вокруг майны, будто часовой, и не давал своим врагам вылезти на лёд. Собаки визжали со страху, как поросята.

На собачье счастье, их заметили матросы с ближайшего судна, отогнали сурового кота и выручили бедняг.

Васька дал своим четвероногим обидчикам памятный урок. Больше они его не беспокоили ни разу.

Во второй половине июля лёд в Чаунской губе разломало штормом и унесло далеко в море. Вся губа очистилась. Суда освободились из ледового плена. Моряки уже высчитывали дни, оставшиеся им теперь до родного Владивостока.

Стали замечать кочегары, что в судовой бане кто-то забывает прикручивать кран после мытья и зря расходует пресную воду.

Вода в море горько-солёная. Её пить нельзя, нельзя и мыться ею. Чтобы добыть пресную воду, требовалось немало трудиться на зимовке. Надо было натаскать пресного льду, растопить его, вскипятить полученную воду. Много трудов требовалось в зимовочном быту морякам. И вот кто-то небрежничает, расточительствует, зря расходует пресную воду. Это же преступление против товарищей!

Одна вахта валила вину на другую. Запасы пресной воды хищнически истощались.

Решили моряки выследить и выявить виновника. Смотрели друг за другом, а поймали на месте преступления кота Ваську.

Как-то он проходил мимо крана и задел его случайно своей шерстистой спиной. Кран открылся, полилась струйкой вода. Кот попробовал её. Она оказалась отличной на вкус. С тех пор, когда памятливого Ваську донимала гнетущая жажда, он шёл в баню, тёрся спиной о кран, открывал его, пил немного воды и исчезал. Одно было невдомёк коту — закрывать за собой кран...

Стали с тех пор прикручивать кран проволокой. Настал коту водяной пост.

Как равноправный член экипажа ледореза, Васька охотно проводил время и в кубрике у кочегаров, и в каюте капитана, и в кают-компании. Везде он чувствовал себя отлично и вёл с большим достоинством. Он даже принимал участие в играх команды. Человек десять моряков становились попарно, взявшись за вытянутые руки. Кот знал, что требовалось от него. Он прыгал через вытянутые руки, не пропуская ни одной пары. Его просили повторить номер. Случалось, что он соглашался и выполнял этот номер на бис. Но бывало и так: прыгнет через переднюю пару, а под остальными только пробежит и исчезнет где-нибудь в закуточке.

На вантах «Литке» боцман развесил для проветривания свиные окорока. Васька одним из первых заметил это новшество. И, как говорили матросы, стал наш Васька «пасть» на окороках. Там отъест, тут отщипнёт. Пошла у боцмана война с котом. Ваську сгоняли, он снова возвращался. Знал боцман за Васькой одну слабость: боялся кот вывернутых наизнанку полушубков...

Был на зимовке в Чаунской губе такой случай. Васька увидел на «Литке» одетого в меха чукчу и без всякой причины вдруг набросился на него. Но чукча не растерялся и так хва-

тил палкой Ваську, что тот не мог забыть этого никогда. С тех пор страшнее меховой одежды не стало для кога ничего на свете.

Боцман приказал матросам надеть вывернутые наизнанку полушубки и атаковать Ваську, когда тот сидел на окороке. Завидел кот моряков в мехах и в панике бросился наутёк. Бедняга с перепугу сиганул так, что очутился за бортом. Прыжок с большой высоты да в студёную воду вмиг отрезвил кота. Поплыл Васька вдоль борта «Литке».

Железные борта были скользкие. Даже цепкие когти не могли ухватиться за них. Вдруг Васька заметил свисавший с борта штормтрап — верёвочную лестницу. Какой-то разиня

матрос не убрал его вовремя. Васька ухватился за штормтрап и в момент оказался на верхней палубе ледореза.

Было такое место на ледорезе, где любил наш герой греть своё непоседливое тело: между диваном и паровым отоплением в каюте старшего механика. Здесь и провёл Васька весь день и всю ночь. Наутро вышел на охоту, довольствуясь теперь уже малым.

Все суда дошли до устья реки Колымы, сдали свой груз на берег и повернули обратно, домой, во Владивосток. Перед началом большого похода четвёртый машинист ледореза набил в мешок кирпичей, сунул туда кота Ваську, завязал очкур, взвалил мешок на плечи и пошёл к самому борту.

— Ты что это задумал? — спросил его помощник повара, большой друг кота Васьки.—А ну, снимай мешок! Показывай!

Машиниста вызвали к парторгу ледореза.

- За что хотел утопить кота? — строго спросил парторг.
- Чтобы не зазимовать вторично!..
- А при чём же тут кот?!

— Как — при чём! Был Васька на шхуне «Чукотка» — она утонула! Перешёл на пароход «Колыму» — та зазимовала! Остался он на «Литке» — мы замёрзли со всем караваном! Это же кот-зимовщик! Туда ему и дорога!

Назавтра в стенгазете ледореза были подведены итоги длительного арктического похода. В последних колонках говорилось о коте Ваське и о суеверии вообще. Заметка резко осуждала четвёртого машиниста за некультурность. Он был назван отсталым человеком. Это было тяжелее самого грозного приказа на корабле.

* *
*

Юный читатель! Если ты заподозришь автора в преувеличении, спроси старых дальневосточников, ходивших в первую Северо-восточную полярную экспедицию. Они подтвердят мой рассказ да ещё добавят: «Мало об этом коте написали! Он был достоин целой повести».

ПОЕДИНОК СРЕДИ ЛЬДОВ

В кают-компании ледокола за обеденным столом поднялся среди моряков спор, кто сильнее: морж или белый медведь? Нападает ли белый медведь на моржа? Кто выходит победителем?

Одни говорили о том, что сильнее моржа в Арктике зверей нет. Это ничего, что он неуклюж, неповоротлив. Зато в воде у него нет соперников в силе и ловкости.

Другие расхваливали силы белого медведя. Он замечательный пловец, неутомимый ходок по льдам. Его можно встретить в значительном отдалении от берегов. Нет сильнее белого медведя в зверином царстве Арктики!

Чтобы помирить споривших, я рассказал им об одном расписном моржовом клыке.

В дни первой Ленской экспедиции лётчик Леваневский прилетел в бухту Тикси. Попал он сюда после того, как спас знаменитого американского лётчика Маттерна, разбившего вдребезги свой самолёт в тундре, близ Анадыря. По пути из Америки Леваневский заглянул на остров Врангеля к старому полярнику Минееву. Минеев и подарил лётчику исключительной красоты моржовый клык.

На этом клыке искусный умелец чукча иголкой и двумя — тремя красками нарисовал картину набега белых медведей на моржовую залежку.

Белые медведи, видимо, долго прятались за торосами, выслеживали моржей. И вот улучили мгновение и разом напали на них. Победителями оказались медведи.

Тогда один из полярных охотников, знаменитый исследователь Северной Земли Георгий Алексеевич Ушаков, рассказал о том, чему сам был свидетелем.

— Вместе с двумя охотниками мы выслеживали белого медведя на острове Врангеля, — начал свой рассказ Ушаков. — И были крайне удивлены, когда поняли, что и зверь

сам кого-то выслеживает. А выслеживал он, как оказалось, моржа!

Мы спрячемся от медведя за торосами. И медведь спрячется за другим торосом от моржа. Морж продвигается к краю льдины, поближе к воде, своей спасительнице. Ему бы только добраться до неё — там моржа не догонишь!

У медведя цель одна: опередить моржа. Не дать ему возможности очутиться в воде! Перехватить вовремя!

В несколько скачков медведь оказался возле моржа. И начался поединок.

Звери, обнявшись крепче друзей, катились по льду. Медведь рычал не то от боли, не то от гнева. И вдруг видим: скатились оба в воду! Столб брызг поднялся вверх.

Ждём. Что же будет? За кем останется победа? Прождали

минуту, другую, третью... Никого нет на поверхности моря! Неужели погибли оба?

Одна из наших смелых промысловых собак вырвалась вдруг вперёд. Она первая заметила голову показавшегося из воды медведя. Он тяжело, медленно стал выбираться на льдину. Вот вышел из неё, постоял немного, покачался на непослушных ногах, отряхнулся от воды и тут же залёг в изнеможении.

Наша собака стала дёргать зверя за мохнатую шерсть. Зверь не пошевелился.

«Готов!» — подумали мы.

Так оно и было. Мы приблизились к зверю и убедились в том, что он мёртв.

Медведь побывал в могучих лапах моржа. Объятия моржа оказались такими богатырскими, что у медведя смяло всю грудную клетку. Когда мы разделали звериную тушу, то не нашли ни одного целого ребра.

— Ну, а с моржом как? — спросил один из моряков.

— Пропал и морж, — ответил рассказчик. — Он так и не показывался из воды. Он побывал в богатырских медвежьих объятиях. Звери задушили друг друга. Вот и скажите после этого: кто же из них оказался победителем?

ГРЕЙПФРУТ

Матрос Патутин плавал на пассажирском пароходе от Одессы до Батуми. Моряк привёз домой пяток грейпфрутов, подаренных ему знакомой девушкой в Потти. Каждый плод был завёрнут в папиросную красивую бумагу. На каждой обёртке стояла печать: «Грейпфрут. Родина Мутант-а-Вест-Индия. Впервые завезены из Флориды в Грузинскую ССР (Поти) в 1933 году».

Патутин подарил один грейпфрут своему товарищу Литвиненко, уезжавшему в Архангельск, а оттуда — в полярный порт Игарку.

— Получай, браток! — сказал Патутин Литвиненко. — Будешь чаевать — вспомнишь меня добрым словом!

Литвиненко добрался до Архангельска по железной дороге и отсюда пошёл в полярный рейс на пароходе.

Грейпфрут хранился у него в чемодане среди белья. Так было надёжнее сберечь его от порчи.

За время арктического плавания грейпфрут немного усох. Кожура его стала заметно тоньше и твёрже.

Несколько матросов вместе с игарским старожилом метеорологом Дроздовым пошли в тайгу на прогулку. Отправился с ними и Литвиненко.

Когда Дроздов увидел на первом привале в руках Литвиненко грейпфрут, то взмолился:

— Слушайте, ребяташки, выручите, голубчики, не режьте вы этот самый фрукт, а подарите мне! Я вам за него что хотите дам. Ничего не пожалею. У меня есть лук — замечательной ненецкой работы, из семи слоёв деланный. Есть бисером расшитые тёплые пимы. Ещё три стерляди поймал, во! Превосходные, енисейские. Всё отдам!

— А зачем тебе одному грейпфрут? — удивился Литвиненко. — Мы же его сейчас распробуем. Попадёт и тебе кусочек с коровий носочек.

— Я не о себе забочусь, — объяснил метеоролог. — Сынишка здесь со мной в Игарке проживает. Сиротка. Мать поехала в прошлом году из Дудинки на собаках. Ни её, ни собак не нашли. Пропали. У меня все заботы теперь о сынишке. Хочется потешить его диковинкой.

Литвиненко взглянул на метеоролога, на грейпфрут, на товарищей и ответил:

— Да я ничего против не имею. Как товарищи скажут.

— Обойдёмся, — промолвил судовой повар, наливая чаю каждому в эмалированную кружку. — Мы вместо него клюквенного экстракту в чай добавим. Сильнее даже берёт.

— Нам пимов твоих вовсе не надо. В Одессе их не носить! Их только моль поест. А из лука стрелять в двадцатом веке вроде неудобно. Бери за так! — предложил Литвиненко. — А парнишке скажи, что моряк из Одессы приезжал в Игарку, подарок ему привёз. Этот фрукт достался мне от моего друга Патутина, а ему подарила знакомая девушка из Потти. Это, можно сказать, не фрукт, а перекаати-поле.

Метеоролог бережно завернул подарок в обрывок газеты и спрятал в карман шинели.

Вечером сынишка метеоролога готовил уроки. Он старательно выводил крупные буквы в тетради. Отец вернулся из тайги и положил перед ним газетный свёрток. Мальчик развернул подарок и воскликнул:

— Папка, а я знаю, что это такое! Это грейпфрут! Он растёт теперь у нас в Советском Союзе, а раньше рос в Америке. Нам учительница объясняла. Я буду его беречь.

— Это ещё зачем?! Вот новости! Я достал его тебе для еды, а не для музея, — заметил отец.

Сынишка положил грейпфрут на тарелку и любовался им, как картинкой.

Назавтра к метеорологу пришёл в гости лётчик Наумов.

Они были старые друзья-полярники. Вместе когда-то служили на флоте, вместе начинали арктическую жизнь на острове Диксоне, в Карском море.

Лётчик спросил, как обычно:

— Скажи мне, учёная птица Дрозд, какая завтра ожидается погода?

Метеоролог Дроздов раскрыл перед гостем свои синоптические карты, где были размечены температуры и направления ветра во множестве городов, и заявил, что, по всей вероятности, погода ожидается лётная.

— Лечу, друг, по особому заданию. Уйма промежуточных посадок по всем зимовьюшкам. Матушка моя тут неподалёку живёт, в Дудинке. Не виделся с ней полгода. Стара она стала, плоха... Э, да вот у вас какие фрунты в Игарке растут, оказывается! Откуда раздостал?

— Подарил сынишке один морячок...

Лётчик повертел грейпфрут в руках, понюхал и положил на место.

— Морячок, говоришь, подарил? И много их у него?

— Один вот этот, кум Наум, — ответил метеоролог, насто-рожившись.

— Один? Какая жалость!

— Ты, дядя, почему жалеешь? — спросил лётчика мальчу-ган, отрываясь от уроков.

— Моя матушка тебе в бабушки годится. Известно, старому человеку хочется кисленького. Просила она меня перед отлётом однажды: «Если случится, купи, сынок, матери лимон! Привези, пожалуйста!»

— И ты купил?

— Не пришлось. Были они в одном месте, но перед моим прилётом...

— Дядя, ты моряк или лётчик?

— Я морской лётчик.

— Значит, и моряк и лётчик? — спросил снова мальчик. —

А если будет война, ты пойдёшь на фронт?

— Непременно, запишусь добровольцем.

Мальчик уважительно посмотрел на лётчика, погладил шитый серебром пропеллер на его рукаве и сказал:

— Дядя, знаешь что? Я подарю твоей маме этот грейпфрут!

— Что ты дружочек! Тебе самому он пригодится здесь, на Севере. Мне брать его неудобно.

— Бери! Бери — настаивал мальчик. — Что ли папа мне ещё не достанет?!

— Где же я тебе достану, голубь? — отозвался недовольный отец. — Разве они растут в Игарке?

— Бери! Всё равно бери, дядя! — уже со слезами в голосе просил мальчуган.

— Бери, кум Наум! Раз он сам так просит... — И отец стал накачивать примус, готовясь угостить лётчика жареной стерлядкой.

...На войне ранило лётчика Наумова, но он не бросил своего самолёта, а довёл до родного аэродрома.

Очнулся раненый лётчик в госпитале.

— Как вы себя чувствуете? — спросила медицинская сестра.

— Правая нога будто стала чужая, — ответил лётчик.

— Вас оперировали. Пуля извлечена. Ожоги незначительные. Скоро пойдёте на поправку.

— А где мои товарищи? Где экипаж самолёта?

— Все здоровы. Они и донесли вас до нашего медсанбата, — ответила сестра.

— А самолёт?

— В порядке. Вы посадили его на три точки.

— Но мы же горели!!

— Пожар затушил ваш экипаж.

— Молодцы! — сказал лётчик. — Я — их, они меня выручили!

И попросил у сестры бумагу и карандаш.

«Друзья! — писал он товарищам. — У меня в чемодане пропадает грейпфрут. Кожура на нём малость затвердела. Вы не обращайтесь внимания! Это не простой фрукт, он особенный! Я вёз его своей матери, да не довёз: умерла моя старушка. А тут началась война. Я когда-нибудь расскажу вам целую историю об этом грейпфруте. А пока нарежьте его и пейте с ним чаёк. Вспоминайте о лётчике Наумове».

Вечером в медсанбат явились товарищи с самолёта Наумова. Они передали сестре грейпфрут и сказали шепотком:

— Вы его с чаем давайте раненому Наумову. Если будет спрашивать, откуда у вас грейпфрут, скажите, что свой, из дому, мол, привезли.

МОРСКОЕ БРАТСТВО

Рижский матрос комсомолец Гаральд Топс ловил сельдь в Северной Атлантике. Среди рыбаков он слыл на траулере хорошим физкультурником, крепышом, боксёром, но на редкость медлительным человеком.

Идёт по скользкой от рыбьей чешуи палубе — каждый шаг взвешивает. Настоящий канатоходец! Или вышагивает от кормы к носу траулера, а товарищи шутливо кричат ему вслед:

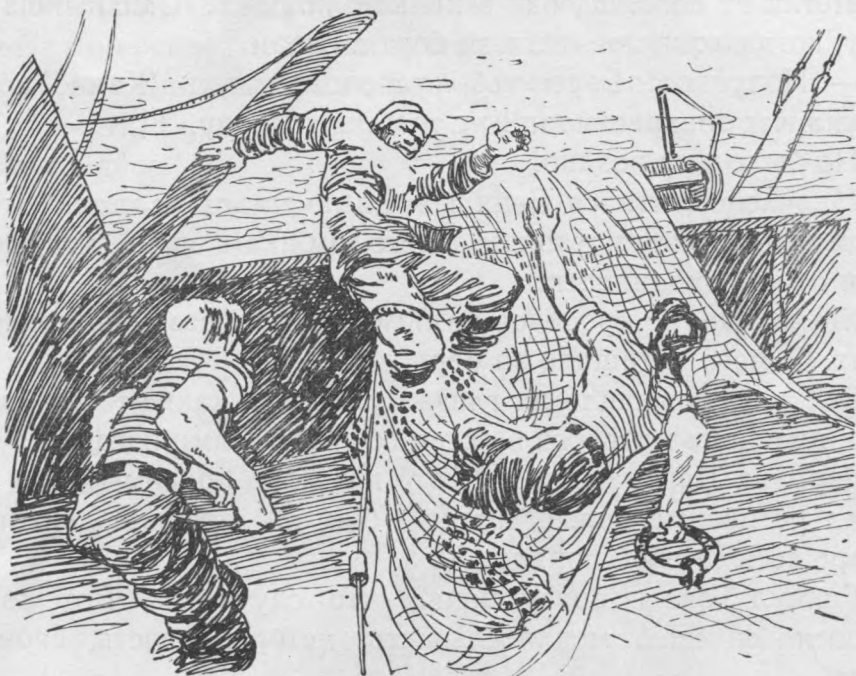
— Гаральд! Смотри, пока дойдёшь, — у нас рейс кончится!

А рейс был рассчитан не на один и не на два месяца.

Гаральд Топс отвечал спокойно:

— Не кричите, друзья! Вы своим криком так меня напугали, что все блохи на мне умерли!

Это была шутливая латышская поговорка.

Надо оговориться, что ни блох, ни тараканов, ни клопов, никакой прочей живности, кроме маленькой собачонки, любимицы команды, на судне не замечалось. Но из поговорки слова не выкинешь.

Траулер напал на большой косяк сельди.

— Пошла селёдка! — радовались рыбаки.

Два молодых матроса, Карл Свиклынш и его дружок Жанис Целмс, стояли на носу траулера, на нижних подборах сети.

Работа спорилась. Друзья действовали быстро, слаженно. Бывало, мечут весь сетевой порядок в море — все сто сетей. Они за двадцать минут уже в воде!

И вот надо же было так случиться!..

Петля от поводца, как в капкан, поймала Свиклынша за ногу, когда «сыпали» сети за борт в океан.

— Полундра! Берегись! — успел крикнуть Жанис, когда почувал, что товарища тащит с траулера в воду.

Но было уже поздно.

Напрасно пытался Свиклынш выпутаться из сетей. Товарищи видели, как потащило юного рыбака в море, и остолбенели от неожиданности.

Жанис Целмс бросился на помощь, но и сам запутался в сетях. Самого потащило за борт.

Всё это произошло на глазах у всех за какие-то секунды. Потянуло двух матросов в океан со спутанными ногами.

Гаральд Топс находился в это время на правом трюме, подавал резиновые полые шары — буи, на которых держится в море весь сетевой порядок.

Глянул Топс и сразу понял, что случилось. Вот когда отбросил он свою медлительность, неторопливость, спокойствие!

В два прыжка, которым позавидовал бы и уссурийский тигр, очутился Топс около Свиклынша и Целмса. Выхватил из-за голенища самодельный рыбацкий нож и успел в самый последний момент отрезать поводец.

Матросы были спасены.

Спасителю все пожимали руку, хлопали его по плечу, поздравляли, называли героем.

Пожал руку матроса и сам капитан, старый моряк Габискирия.

— Тогда заодно поздравьте меня ещё и с днём рождения! — сказал Топс капитану. — Ведь мне сегодня стукнуло девятнадцать лет!

— У нас, в Грузии, говорят так, — положив руку на плечо Топса, сказал капитан Габискирия: — «Если у тебя сердце крепкое как сталь, ты можешь надеть на себя хоть деревянную кольчугу, и тебе не страшно будет в бою».

— Тоже хорошая поговорка! — согласился Топс и медленно, размеренно, не спеша пошёл к сетевому трюму.

Кто-то не выдержал и крикнул ему вдогонку:

— Эй, Гаральд, смотри — рейс кончится, пока ты до трюма дойдёшь!

Гаральд не ускорил шага и даже не оглянулся. Ведь теперь все убедились, что Гаральд Топс умеет прыгать ловчее тигра.

ДВА СТАРИКА

В кормовом отсеке большого двухмоторного гидросамолёта «СССР Н-2» нас было трое пассажиров. Один вёз несколько ящиков гвоздей для первых строителей полярного порта Игарка. Другой был известным профессором-оленоводом. Он ехал в тундру лечить оленей, поражённых копытной болезнью. Третьим был я, специальный корреспондент одной из московских газет.

Во время ночёвки в городе Енисейске я услышал на рассвете, как наши лётчики тревожно перешёптывались.

Командир самолёта Ян Липп разбудил нашего спутника, вёзшего в Игарку гвозди, и сказал ему:

— Товарищ начальник, разрешите доложить: с носовым мотором не в порядке. Пропускают четыре клапана. Ставлю вас в известность о состоянии машины. Возможен пожар в воздухе!..

— А как нам держаться во время пожара? — перебил его старик строитель. — Не сможем ли мы помочь вам, товарищи лётчики? Скажите!

Лётчик опешил от этого неожиданного вопроса и после некоторого раздумья ответил мужественному полярнику:

— Сидите спокойно и ждите посадки!

В избе, где мы заночевали, стало тихо. Через некоторое время командир самолёта спросил вновь:

— А может быть, товарищи, вы обождёте до следующей машины? Она должна быть здесь через несколько днейков...

— Я-то могу подождать, — ответил строитель, — но уговорите зимушку-зиму! Она придёт незваная в Игарку, а там дома недостроены — и почему? Из-за пустяка: гвоздей не хватило для первых домов! Понятно?

— Я тоже могу потерпеть, — сказал старик профессор, тебя свою коротко остриженную, отливавшую серебром голо-

ву. — Но вот как будет с больными оленями? Они же все погибнут! Мёртвым лекарства не помогут...

— Повторяю: возможен пожар в воздухе, — продолжал командир самолёта.

— Разрешите вопрос, — обратился к лётчику профессор: — вы не собираетесь зимовать в Енисейске?

— Никак нет! Подлатаем мотор и полетим.

— Великолепно! В таком случае, я полечу с вами! — решительно заявил строитель. — А вы, профессор?

— Мне необходимо быть на Крайнем Севере! — сказал учёный. — Что касается возможного пожара в воздухе... Ну что ж... Мне уже минуло шестьдесят лет. Я достаточно пожил и не претендую на бессмертие. Я лечу!

— А вы? — спросил меня лётчик.

Что оставалось мне делать? Хотелось мне этого или не хо-

телось, но и я, конечно, согласился на дальнейший полёт. Посудите сами: как можно трусить рядом с такими спутниками?

Наши борт-механики возились с мотором ещё полдня. И вот самолёт оторвался от водной глади величавого красавца Енисея.

Моторы дотянули до Игарки. Профессор вовремя был доставлен в тундру и спас оленьё стадо. Игарец помог первым строителям полярного порта, а я написал книгу о том, как рублилась и строилась первая улица в Игарке.

СОДЕРЖАНИЕ

Вася и его хозяин	3
Мохнатый озорник	10
Живой будильник	15
Кот-зимовщик	20
Поединок среди льдов	30
Грейпфрут	34
Морское братство	40
Два старика	44

* * *

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге издательство просит присылать по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для младшего школьного возраста

Зингер Макс Эммануилович

РАССКАЗЫ СТАРОГО ПОЛЯРНИКА

* * *

Ответственный редактор *О. И. Романченко*.
Художественный редактор *М. Д. Сухоцева*.
Технический редактор *С. К. Пушкова*.
Корректоры
Э. Н. Кузнецова и *К. П. Тягельская*.

* * *

Сдано в набор 29/1 1959 г. Подписано к печати 15/IV 1959 г. Формат 70×92¹/₁₆ — 3 печ. л.=3,5 усл. печ. л. (3,03 уч.-изд. л.). Тираж 115 000 экз. А02093. Цена 1 руб. Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.

* * * * *

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 1561.

Цена 1 руб.